МАКСИМ МАКЛЮК

ЗАРЯ

Максим Маклюк

ЗАРЯ. Путь от службы по призыву до СВО

https://litres.ru/74725264
SelfPub; 2026

Аннотация

В двадцать лет я думал, что армия даст мне новую жизнь. Как же я тогда ошибался.

Я родился и вырос в деревне, где единственным способом выбраться было - надеть военную форму. Я прошел курс молодого бойца, научился маршировать до кровавых мозолей. Я подписывал контракты, мотался по гарнизонам.

А потом пришел приказ, который разделил мою жизнь на «до» и «после».

Я написал эту книгу, чтобы сохранить в памяти историю для внуков. Чтобы выговорить то, что копилось и не давало спать. Это не голливудский боевик. Это моя личная хроника жизни, службы, боевых действий, где нет места пафосу, но есть место для смерти, отчаяния, надежды и первой сигареты после минометного обстрела.

Максим Маклюк
ЗАРЯ. Путь от службы по призыву до СВО

Максим Маклюк

Заря

Посвящается светлой памяти моим товарищам Воронову Алексею и Великоиваненко Кириллу.

Покойтесь с миром.

Мы вас помним.

После окончания Азовского гуманитарно-технического колледжа я был призван на срочную - в двадцать лет, с дипломом в кармане и полной головой романтики.

Юный, наивный, с деревенскими задатками, я представлял службу так, как её показывают в кино: сапоги начищены, плечи развёрнуты, где-то за горизонтом - приключения, геройство и новая жизнь. Мне и в голову не приходило, что армия сначала отнимет у меня всё, к чему я привык, и только потом, если повезёт, что-то даст.

Для деревенского парня служба - один из немногих люков наружу. Я это понял не из книжек. Я родился и вырос там, где всё вокруг - и люди, и дома, и сама земля - тянет вниз, в болото, и держит плотно, без шанса всплыть.

Только свой поймёт, что такое деревенское уныние. Не то уныние, о котором пишут в стихах, а то, что начинается в пять утра, когда отец ставит тебя на ноги, потому что сено не ждёт. Домашнее хозяйство, сенокос, зерно, огород, заготовка дров - работа, у которой нет конца и нет начала. Из года в год, изо дня в день одно и то же, как заезженная пластинка. Самые настоящие крысиные бега - только бежишь не за карьерой, а за тем, чтобы успеть до дождя.

Помню, как в детстве таскал бидоны с водой от колонки - тяжело, руки в мозолях, а отец говорил: «Привыкай, пригодится». Тогда я не понимал, о чём он. Теперь понимаю.

Ещё до того, как моя нога пересекла порог военкомата, я твёрдо решил: подпишу контракт, переведусь куда-нибудь к морю, начну другую жизнь. Как же я тогда ошибался.

Скажу только, что спустя долгих восемь лет мечта сбылась. Но это будет совсем другая история, и в этот сюжет она не войдёт.

Весенний призыв

24 апреля 2016 года мне пришло долгожданное уведомление: явиться в районный военкомат за военным билетом и дальше - к месту службы.

До этого дня я жил как в тумане. Помню, как за неделю до повестки мы с отцом строили навес - каждый день с пяти утра и до семи, потом он уезжал на работу. Я держал доски, подавал гвозди, и мы разговаривали. Обо всём и ни о чём: про соседей, про погоду, про то, что в этом году сено будет хорошее. Отец рассказывал, как сам служил, как ему было тяжело первые месяцы, как он потом привык. Я слушал и понимал: он не просто говорит - он готовит меня. Один раз, когда мы присели перекурить, он сказал: «Там не геройствуй. Просто служи». Я кивнул. Больше мы к этому не возвращались, но я запомнил.

С собой я взял немного: старый кнопочный телефон и пять тысяч рублей. Всё. Никаких сумок, никаких сборов - я знал, что в армии всё выдадут, а лишнее только мешает.

Проводы вышли классические, какие бывают у любого деревенского парня. Только к алкоголю я всегда относился скептически, и вопреки всем «традициям» прибыл в военкомат поутру трезвым, опрятным и лысым. Помню, как мать

в последний раз поправила мне воротник - будто мне было десять, - и как отец молча пожал руку. Крепче, чем обычно. Я тогда не придал этому значения, а сейчас думаю: он, наверное, всё понимал лучше меня.

У меня огромная семья, и на тот момент было много друзей. Они приехали провожать и заполонили всю площадь перед зданием военкомата - шумная, разноцветная толпа, в которой я вдруг почувствовал себя меньше, чем был. Кто-то шутил, кто-то хлопал по плечу, кто-то совал сигареты, будто в армии их не будет. Я стоял и улыбался, а внутри было пусто и тихо, как перед грозой.

Вместе со мной призывались ещё двое. К ним приехали только родители - стояли в стороне, тихие, как на похоронах. Эти ребята потом станут моими товарищами, но лишь на время службы. Дальше судьба разведёт нас кардинально, по разные стороны. Тогда я этого ещё не знал. Тогда я вообще ничего не знал.

После недолгого прощания я вошёл внутрь. Огромная дверь захлопнулась за спиной с металлическим лязгом - и в этот момент на меня навалилась такая тоска, что я на секунду остановился посреди коридора. В дальнейшем это чувство только усиливалось и стало неотъемлемой частью службы. Я научился его контролировать - и это немало важно,

потому что тоска коварна: обостряется и толкает на необдуманные поступки.

Если вам интересно, что происходит за дверьми военкомата, - ничего необычного. Обыкновенная бюрократия: одни документы обмениваются на другие, и вы из призывника превращаетесь в военнослужащего. Всё. Военком запугивает особо активных чисткой туалета или физическими упражнениями, но на данном этапе эти угрозы ничего из себя не представляют.

Помню, как сидел в коридоре на низкой скамейке и смотрел на людей вокруг. Кто-то нервно курил в сторонке, кто-то пытался шутить, кто-то молчал, уставившись в пол. Все мы были здесь по одной причине, но каждый - со своей историей. Я тогда впервые подумал: а сколько нас таких по всей стране? Сколько парней сейчас вот так же сидят в коридорах военкоматов и ждут своей очереди?

Нас вывели на задний двор и позволили вдоволь накуриться табака. Там я и познакомился с Владом и Кириллом. Очень неприятными на первый взгляд личностями. И на второй взгляд тоже.

- Ты откуда? - спросил Влад, щурясь сквозь дым.
- С района, - ответил я.

- Все мы с района, - усмехнулся Кирилл. - А конкретнее?

- Далеко. Тебе не поможет.

- А мне и не надо, чтобы помогало, - Кирилл затянулся и выдохнул в сторону. - Мне надо, чтобы в армии не трогали. А для этого свои нужны.

Влад и Кирилл были давно знакомы и жили на одном районе. Самые обычные подростки - без больших целей и без царя в голове.

На тот момент у меня не было выбора, кроме как вступить в их компанию: в армии землячество - полезная штука, способствующая более комфортному прохождению службы. Я это понимал, но всё равно внутри что-то сопротивлялось. Я смотрел на них и думал: неужели это теперь мои товарищи? Неужели я буду с ними служить, есть из одного котла, спать в одной казарме?

Как оказалось, именно так и будет. Но об этом - позже.

А тогда мы стояли на заднем дворе военкомата, курили, и над нами было серое апрельское небо. Где-то вдалеке гудела машина, кто-то из ребят смеялся, кто-то у крыльца прощался с матерью. И я думал о том, что через несколько минут сяду в автобус и уеду в неизвестность. Что ждёт меня там - я не знал. Но что-то подсказывало: назад я вернусь другим

человеком.

Уже потом, когда я закончил черновую версию этого рассказа, до меня дошли новости, что Кирилл погиб. Ему было двадцать семь.

Распределительный пункт

На старой газели около восьми утра мы покинули серые ворота военкомата. Мои товарищи по старой традиции закидали нас монетками, гравием и цветами из клумбы. Соглашусь: обычай дикий. Монетки летели в стекло, гравий - по бортам, цветы - просто так, наугад. Кто-то из ребят поймал монетку и засмеялся, кто-то выругался, когда гравий попал в плечо. А газель уже разворачивалась, и ворота военкомата медленно уходили назад, уменьшались, пока не превратились в серое пятно в зеркале.

Дальше - долгая дорога в Краснодар, до распределительного пункта. Распределитель на местном языке назывался «девятка». Почему - не знаю. Может, потому что номер такой, может, ещё почему. Тогда было не до этимологии.

Я сидел у окна и смотрел, как за стеклом проплывают поля, посадки, редкие деревни. Всё это было мне знакомо до последней кочки, и в то же время казалось чужим - будто я

смотрел на свою жизнь со стороны и понимал, что она уже не моя. Где-то там, за горизонтом, начиналось что-то другое. Что именно - я не знал.

Девятка казалась местом диким, агрессивным, враждебным - но только пока там находишься. Позже, уже на службе, я понял, что распределитель при всём его несовершенстве был весьма неплох собой. Но это понимание пришло потом, а тогда я стоял перед воротами и чувствовал себя так, будто попал в другой мир.

Если вы вовсе далеки от армии, то вкратце: распределитель - это место, куда свозят молодое пополнение с краевых районов, а после приезжают «покупатели» и сопровождают вас до дальнейшего места службы. Как правило, вы до последнего не знаете, в какие войска и в какой город попадёте - и попадут ли туда же ваши новоиспечённые товарищи.

Первым делом нас завели в ангар, где стоял огромный пластиковый бак. Мы поставили свои вещи в линейку и отошли на несколько метров назад. Каждую сумку беспощадно потрошили хищные сержанты, забирая всё, что не проходило по критериям.

- Это что? - сержант поднял над баком чей-то дезодорант.
- Жидкость. Не положено.

- Так это же не пить, - попытался объяснить парень.

- Разговорчивый? - сержант посмотрел на него так, что тот стал молчаливым.

Из вещей летело всё: скоропортящиеся продукты, посуда, алкоголь, любая подозрительная жидкость, лекарства, ингаляторы, спреи, капли, полотенца, обувь, одежда, ремни, парфюм и даже ватные палочки. Ножницы, швейные иглы, нитки. Тех, у кого находили ножи, кастеты, лезвия и тому подобное, сразу уводили в неизвестном направлении.

Я стоял и смотрел на этот конвейер, и во мне что-то сжималось. У меня с собой не было ни сумки, ни вещей - только паспорт, в котором лежали пять тысяч рублей, и старый кнопочный телефон в кармане. Когда очередь дошла до меня, сержант посмотрел на мои пустые руки и спросил:

- А вещи где?

- Нет вещей, - ответил я.

Он хмыкнул, оглядел меня с ног до головы и пошёл дальше. Я выдохнул.

Одному богу известно, сколько времени вы проведёте в распределительном пункте: одних забирают сразу, других держат несколько дней. Я просидел там четверо суток.

Не знаю, как сейчас, но на тот момент не было возможно-

сти искупаться, и весь досуг заключался в сидении в уличной курилке - месте, где начинают курить огромное количество ребят. Я не был исключением. До армии я курил мало, а там - закурил по-настоящему. Не от удовольствия, а от нечего делать. Сидишь, смотришь на дым, слушаешь разговоры - и время идёт быстрее.

В курилке я познакомился с половиной будущей роты. Ночью, в дыму, под тусклой лампой, парень из соседнего района рассказывал, как его провожала вся улица, а он до сих пор не знает, куда попадёт. Мы все тогда не знали. Кто-то спал на лавке, кто-то играл в карты, кто-то просто молчал, уставившись в стену. И в этом молчании было больше правды, чем в любых разговорах.

На третий день нас повели в актовый зал - сделать памятное фото. Грязный, вонючий, с щетиной, в кителе «универсального размера» с липучками на спине для быстрого одевания. Процедура мало кому нравилась, но я насладился возможностью сорок минут посидеть в мягких бархатных креслах - такие были во всех сельских клубах. Я закрыл глаза и на секунду представил, что я не в армии, а в детстве, в клубе, где показывают кино. Потом открыл - и увидел перед собой фотографа с аппаратом и очередь таких же, как я.

На четвёртые сутки выдали военную форму, офисного об-

разца. Кому интересно - посмотрите в интернете, как она выглядит, и пусть вас не смущает слово «офисная»: почему она так называется, я не знаю до сих пор. Знаю только, что это самая ужасная форма, которую мне приходилось носить. Она не дышит летом, не греет зимой, марается, выцветает, рвётся и мнётся. Пахнет складом и колется так, что чешется всё, что можно. Самое то для полевой службы и копания окопов.

На пункте нужно будет заново пройти контрольную медкомиссию, и есть небольшая вероятность, что кого-то признают негодным - и на этом служба закончится. Тем, кто всё же пройдёт комиссию успешно, желаю терпения.

На четвёртые сутки настал и мой черёд. Нас посадили в огромном ангаре. Приехал молодой офицер и смазливый, мордастый сержант. Озвучили список фамилий и объявили: мы попали на службу в город Знаменск, Астраханской области, знаменитый ракетный полигон Капустин Яр.

В ангаре стало тихо. Кто-то рядом со мной тихо выдохнул: «Ракетчики...» Я тогда ещё не знал, что это значит. Но почему-то стало не по себе.

А я, услышав слово «город», выдохнул. По-настоящему, глубоко, как выдыхают, когда отпускает. Я так хотел попасть служить именно в город - чтобы за забором части видеть

большие улицы, дома, огни, чтобы в редкие увольнения выходить на прогулку и чувствовать себя не в казарме, а в жизни. Я столько об этом думал, что уже почти поверил, что так и будет. Город Знаменск. Звучало красиво.

Позже я узнал, что это не совсем тот город, который я себе представлял. Но об этом - в другой главе.

Краснодар - Волгоград

Автобус покинул ворота примерно в середине дня и спустя час или больше причалил к ЖД вокзалу «Краснодар-1».

Я вышел на перрон и на секунду остановился. Вокзал гудел, как улей. Зелёные, сопливые солдатики заполонили всю территорию - стояли кучками, сидели на лавках, ходили туда-сюда с сумками и пакетами. Понаехали друзья, родственники, жёны. Все стояли по углам: кто-то поджимал свою верную половинку, кому-то мама протирала платочком губы от хлебных крошек и запихивала в рот колбасу. Я смотрел на это и думал: сколько же нас таких по всей стране, и у каждого за спиной - своя жизнь, своя мать, своя колбаса в целлофановом пакете.

На перроне находились ещё несколько скоплений таких же зелёных бедолаг. Все ждали, все курили, все смотрели на

часы.

Подъехал вагон, и мы плотно набили его, приводя в ужас ехавших там людей.

- Куда столько? - проводница всплеснула руками. - Тут же люди едут!

- Теперь и мы люди, - ответил кто-то из наших, и вагон засмеялся.

Мы стояли в проходе, сидели на своих и чужих местах, забились на верхние полки. Народ в вагоне косился на нас, но молчал. Кто-то уступал место, кто-то просто отворачивался к окну. Я нашёл свободное место у окна и сел, прижав к груди паспорт с деньгами.

Путь был не столь далёк - всего-то до Волгограда.

В поезде я впервые за четверо суток сходил в туалет и обмылся под краном. Холодная вода, серое мыло, мутное зеркало - и всё равно это были невероятные чувства. Благодать в лучшем её проявлении. Я стоял под краном и смывал с себя пыль, пот и запах распределителя, и мне казалось, что я смываю с себя всё, что было до этого. И ещё удалось выспаться. Я лежал на верхней полке, смотрел в потолок и слушал стук колёс, и это был самый спокойный сон за последние дни.

Попутно поезд проезжал через райцентр, где жили мои родители. Остановка была всего две минуты. Я увидел их из окна сразу - мама и отец стояли на перроне, мама держала огромный пакет с продуктами, а отец смотрел на вагон, выискивая меня глазами. Я прижался к стеклу и замахал рукой. Они побежали - вдоль всего поезда, от вагона к вагону, ища мой. Я видел, как они мечутся по перрону, как мама что-то кричит отцу, как он машет рукой, показывая вперёд. Две минуты - это очень мало, когда нужно пробежать весь поезд. Но они успели. Я выскочил в тамбур, распахнул дверь, и мама закинула пакет - тяжёлый, неудобный, он ударился о пол и покатился. Я крикнул им что-то, не помню что, а они стояли и смотрели, как вагон уходит. Отец поднял руку, мама прижала ладонь к губам. И всё. Две минуты - и перрон кончился, и они остались позади, маленькие, как на фотографии.

Пакет мы объели до отвала, но так и не смогли осилить. Скрепя сердцем пришлось выкинуть часть продуктов. Помню, как кто-то из ребят сказал: «Ты бы маме не говорил». Я и не говорил.

По прибытии в Волгоград нас расположили на верхнем этаже вокзала, и пришлось ждать целый день. Каждый час на несколько минут нас выводили на улицу курить. Всё остальное время нужно было просто сидеть и смотреть в потолок.

Кто-то спал на сумках, кто-то рассказывал, куда попал, - и в этих рассказах правды было не больше, чем в наших надеждах. Я сидел у окна и смотрел на город. Волгоград был большой, шумный, живой - совсем не такой, как моя деревня. Я смотрел на улицы, на дома, на людей и думал: вот она, жизнь, которую я хотел. И она где-то там, за окном, а я здесь, на верхнем этаже вокзала, с паспортом в кармане и билетом в неизвестность.

Там я впервые увидел армейский сухпай. Зелёные коробочки с едой. Весьма специфичной - и чем дольше испытываешь голод, тем вкуснее она кажется. Мы вскрыли коробки, разложили всё на полу и ели, как будто это был ресторан. Консервы, галеты, сахар, чай в пакетиках - всё шло в ход. Кто-то менялся, кто-то делился, кто-то прятал на потом. Я ел и думал: вот она, армейская еда. Ничего особенного, но сейчас она казалась мне лучше любого домашнего обеда.

Из Волгограда мы выдвинулись в ночь. Получилось даже вздремнуть. Я лежал на полке и слушал, как стучат колёса, и думал о том, что где-то там, впереди, меня ждёт город Знаменск. Город, в который я так хотел попасть. Я ещё не знал, что он окажется не совсем таким, как я себе представлял. Но это будет потом. А пока был ночной поезд, стук колёс и чувство, что я еду куда-то, где начнётся что-то новое.

Капустин Яр

Из Волгограда мы выдвинулись в ночь. Получилось даже вздремнуть - я лежал на полке и слушал стук колёс, а проснулся от того, что кто-то тронул меня за плечо: «Вставай, приехали». Я поднялся, выглянул в окно и замер.

Крошечная ЖД станция, какие бывают только в старых советских фильмах: низкий перрон, деревянный навес, выцветшая табличка с названием, которое я не разобрал. Вокруг степь - бескрайняя, серая, ещё по-весеннему голодная. И лишь на большом отдалении виднелись какие-то постройки, похожие на ангары. Ни деревьев, ни домов, ни людей. Только степь и ветер.

Я вышел из вагона и вдохнул воздух. Он был сухой, угольный с запахом полыни и пыли. Такого воздуха я раньше не чувствовал. Так пахла даль от дома.

На перроне нас разделили на маленькие группы, посадили в кунг «шишиги» и повезли в городскую баню. В кунге сидел товарищ младший сержант, который очень плохо говорил по-русски, но при этом всё время угрожал нам по любому поводу, сообщая, что мы попали в филиал ада на земле, и он лично будет карать всех, кто «где-то, чё-то».

- Ты! - он ткнул пальцем в первого попавшегося. - Где-то, чё-то - я тебя найду!

- Так я же ничего... - попытался оправдаться парень.

- Вот и я говорю: где-то, чё-то! - сержант посмотрел на него так, будто тот уже был виноват.

Мы сидели на деревянных лавках вдоль бортов и молчали. Кунг подпрыгивал на ухабах, и каждый раз, когда мы подлетали, кто-то негромко ругался. Сержант смотрел на нас и ухмылялся.

После каждой посадки или высадки нас строили и считали. Считали долго, по несколько раз, будто мы могли куда-то деться по дороге. Я стоял в строю и смотрел на степь, на серое небо, на далёкие постройки и думал: вот она, армия. Вот она, романтика.

В бане разом оказалось человек сорок, но баня явно была рассчитана человек на пятнадцать. Мы стояли в предбаннике, тесно прижавшись друг к другу, и ждали своей очереди. Пахло потом, мылом и сыростью.

Всех заставили раздеться догола и идти под горячую струю воды. Самое сложное и важное было не потерять комплект своих вещей, поскольку они были в единственном экземпляре и за их сохранность спрашивали по полной про-

грамме. Я сложил свои вещи в аккуратную стопку, положил её в угол и не спускал с глаз, пока мылся. Горячая вода обжигала кожу, пар стоял столбом, и я на секунду закрыл глаза. Мне показалось, что я дома. Но дома не было. Дом остался далеко.

После водных процедур нас вывели в сухое, светлое помещение. Рослый товарищ капитан, он же начмед, сел на стул спиной к столу, лицом к нам, и подзывал поочерёдно каждого, рассматривая кожный покров со всех ракурсов. Он смотрел на руки, на ноги, на живот, на спину, заставлял поднимать руки, поворачиваться. Те, у кого были какие-либо повреждения, высыпания, засосы, татуировки, шрамы и родимые пятна, попадали в список.

После этого мероприятия всех вывели на улицу.

Был поздний вечер. Вокруг здания на лёгком ветру покачивались акации с побелёнными у земли стволами, светили старые фонари тёплым жёлтым светом, привлекая мелких букашек. И впервые как-то стало тепло на сердце. То ли от таких родных для глаза акаций, то ли от весенней погоды, то ли ещё от чего. Я стоял и смотрел на эти акации, на этот жёлтый свет, и мне казалось, что я вернулся в детство, в деревню, где точно такие же акации росли вдоль дороги. Но чувство это длилось недолго.

Выкупили по сигарете и загрузились обратно в кунг.

Тридцатка

«Шишига» петляла по улочкам города и вскоре покинула его пределы, удаляясь в степь. В степи изредка попадались какие-либо постройки, чаще мелькали стелы с ракетами. А перед въездом в конечный пункт следования нас встретил какой-то автомобиль с ракетами, гордо стоящий на небольшом кургане. Мы проехали мимо, и я проводил его взглядом. Ракеты смотрели в небо, будто ждали команды.

Мы прибыли в место под названием «площадка 30», «тридцатка».

Вы наверняка слышали полумистические истории о блуждающем поезде-призраке - поезде, который в официальных документах именуется «Боевой Железнодорожный Ракетный комплекс», или сокращённо «БЖРК Молодец», а в неофициальной терминологии работников вокзалов - «поезд номер ноль». Так вот именно на этой площадке он базировался и обслуживался.

Всего по всему Союзу таких поездов было двенадцать, но к 2007 году они прекратили своё существование, а все ис-

тории о том, что кто-то его видел, - сказка. Я слушал это и смотрел на степь, и мне казалось, что где-то там, за горизонтом, действительно стоит этот поезд и ждёт своего часа.

Первым делом нас завели в заброшенное, но восстановленное для проживания здание, которое служило для расположения трёх рот солдат. В левой части были технические помещения, комната хранения оружия, туалет, умывальники, сушилка и Ленинская, а в правой части стояли двухъярусные пружинные кровати - шаткие, ветхие, скрипучие. Я подошёл к своей кровати и тронул её рукой. Она качнулась и скрипнула. Я представил, как на ней буду спать, и мне стало не по себе.

При входе нас очередной раз обыскали, на этот раз оставили только то, что положено по уставу. Деньги, документы и мобильные телефоны забрали в сейф. Я отдал паспорт с деньгами и кнопочный телефон, и мне стало как-то пусто. Будто я отдал не вещи, а часть себя.

Некогда это был крошечный военный городок закрытого типа, рассчитанный на две-пять тысяч жителей, но ныне он был полностью заброшен, и никого, кроме нашей прибывшей роты, там не было. Вскоре прибыла ещё одна рота из Саратова, а ещё через пару дней рота из Адыгеи. И началось веселье.

Каждому озвучили номер кровати и выдали постельное бельё. Когда я подошёл к своей кровати и поднял подушку, то нашёл там канцелярский нож, обмотанный изолентой. Меня это немного насторожило. Я повертел его в руках, посмотрел на соседей, но никто ничего не сказал. Я положил нож обратно под подушку и решил, что потом разберусь.

Эта ночь, а также каждая последующая до окончания курса молодого бойца проходила одинаково.

Перед сном нас строили на взлётке по форме «один» - трусы и тапочки. Проводили поверку и телесный осмотр на наличие повреждений кожного покрова. После чего звучал «отбой». По этой команде необходимо в кратчайший срок лечь в кровать и не дышать.

Далее проверяли правильность укладки формы на прикроватных табуретках. Если у кого-то форма лежала не по уставу, то производился подъём всех, экипировка, построение в проходе, далее команда «отбой». И так до бесконечности. Другой вариант событий: если форму с первого раза сложили все правильно, то играли в «три скрипа». После команды «отбой» и занятия своих кроватей нужно лежать неподвижно. Нельзя издавать никаких звуков, несмотря на то, что все кровати предательски скрипели при малейшем

движении. Офицер бродил между рядов очень вальяжно и считал издаваемые нами шумы. Как только звучал третий скрип, он подавал команду «рота, подъём», и как только все вставали, заправляли кровать, одевали форму и строились, подавалась команда «отбой». Некоторые дежурные офицеры к данным мероприятиям добавляли таймер.

После того как девяносто солдат в относительно небольшом помещении около часа прыгают и бегают, поднимается с деревянных полов столько пыли, что дышать приходится через простыню, которая прилипает к мокрому от пота телу.

Первое утро для меня стало шоковым. В шесть утра нас бешеный лейтенант поднял по команде: «Рота, подъём, построение перед казармой, форма одежды два - берцы, штаны, футболка». Мы выбежали из казармы, и сразу же лейтенант отправил нас бежать кросс от одного конца городка до другого.

Мало того, что всем хотелось после ночи в туалет, так ещё у него была своя изощрённая методика пытки - бег без финиша. Мы бежали в один конец и обратно до линии финиша, как только мы её пересекали, он командовал продолжать, и мы бежали ещё раз до конца и обратно. И так происходило рандомное количество раз. Одно дело знать, где финиш, и рассчитывать свои силы, другое дело - бежать неизвестное

количество километров.

После я приловчился вставать чуть раньше, справлять свои утренние дела и ложиться обратно до шести часов. Но во время пробежек у меня буйствовала яростная злоба на этого лейтенанта, мне хотелось вбить его голову в асфальт.

Следующее знаковое место, куда мы дружно отправились, чеканя шаг, - это солдатская столовая. Попасть в неё без переключений тоже не удалось.

Рота солдат выстроилась перед входными дверями. Стояли около получаса в ожидании своей очереди. Пока стояли, пришёл начмед и объявил, что фляжки, которые у нас всегда висели на поясе над правой ягодицей, необходимо наполнить кипячёной водой, в мае. И каждый раз - а именно трижды в день - когда мы приходили на приём пищи, необходимо было сливать оставшуюся во фляжке воду и наполнять её кипячёной, парящей. Это делалось в целях предотвращения заражения кишечной палочкой, поскольку в водопроводе была техническая вода, непригодная для употребления, а единственным источником влаги были фляги с кипятком. И проблема была не столько в том, чтобы пить кипяток в жару, а в том, что у многих фляжек протекали пробки, и всё это разбрызгивалось по жопе. Приятного мало.

Так вот. Построились мы перед столовой в три колонны. Я в силу своего роста, а вернее его отсутствия, стоял всегда либо в последней шеренге, либо в предпоследней. Начальник столовой, сержант в белом халате, с порога командует: «Слева по одному на вход в столовую шагом марш!» - и ребята с первого ряда слева начинают движение. Как только первый человек вошёл в двери, нам командуют: «На исходную бегом марш!» Мы прибегаем, строимся. Оказывается, тот, кто идёт первым, заходит последним, поскольку первый в строю солдат должен открыть двери и держать их для товарищей.

По следующей команде мы повторили процедуру с выполнением указаний, но как только мы вошли в зал со столами, нам скомандовали на исходную. Мы в бешенстве, голодные как бродячие собаки, вернулись на исходную позицию. Оказывается, при входе необходимо снимать головной убор.

В следующий заход ситуация повторилась: оказывается, нужно было идти и мыть руки с мылом. Я понимаю, что гигиена очень важна, особенно перед приёмом пищи, но когда тебя одолевает голод и нужно как можно скорее подойти к раздаче, чтобы занять место, то никакого дела до мытья рук нет. Но пришлось.

И следующий раз так же был неудачным, поскольку нельзя было разговаривать внутри столовой.

И следующий раз так же был неудачным, поскольку с раздачи на поднос нужно было набирать только то количество еды, которое лежит на тарелке с «образцами количества». Таким образом, на приём пищи у нас осталось времени менее пятнадцати минут, и пришлось давиться хлебом, куском пареной рыбы, бигусом и супом одновременно. Брать с собой еду из столовой считалось западло. Вновь засыпал с урчащим животом.

Со следующего дня начались занятия: первая половина дня - теория, после - практика. Самое тяжёлое для меня оказалось отсутствие свободного времени. Ни одной минуты мы не находились без контроля, всегда в строю, всегда молча. В какой-то момент сесть на стул на пару минут казалось непостижимой роскошью.

Занятия по теории проходили на втором этаже казармы. Мы сидели за старыми партами, какие я видел только в советских фильмах, и слушали внимательно, как товарищ сержант читает какой-то непонятный текст. Ни одно слово не помещалось в голову, весь текст воспринимался монотонным шумом. Всех морило в сон, глаза закрывались, но каждый раз, когда товарищ сержант видел кого-то спящим, всех поднимали, и занятия продолжались стоя. Всё, что нам диктовали, приходилось писать в тетрадь. Когда удалось побо-

роть сонливость, мне даже понравилось сидеть и писать. У всех урчали животы.

Вторая половина дня началась с занятий по практике. На первом занятии мы спустились в подвальное помещение казармы, где не было ни одного окна, на стенах висели десятки крайне потрёпанных временем плакатов с военной тематикой. Занятия проводил лично товарищ майор - невысокий, коренастый мужичок лет сорока пяти. Стояло три парты: на первой лежал АК-74, на второй - несколько магазинов с патронами, на третьей - вырезки из устава. Всех разделили на три группы. Каждая группа подошла к обозначенному столу, и товарищ майор, начиная со стола с вырезками, начал повествовать, что такое устав.

Далее мы подошли к столу с автоматом. Он рассказал, что это за автомат, рассказал его тактико-технические характеристики и ловко раскидал его на составные части, подробно рассказывая про каждую. Далее начался опрос. Майор показывал толстым пальцем на деталь автомата и спрашивал нас, как она называется и для чего служит. «Дуло у тебя в штанах, а это ствол!» - сказал он одному парню, и все засмеялись.

На столе с магазинами нас учили их снаряжать. Многие из нас уже умели обращаться с оружием из уроков по ОБЖ. В конце занятия мы учились собирать и разбирать автомат

на время, а также отдельно снаряжать магазины. Это было одно из самых интересных занятий из всех, которые были в последующий месяц.

Основной упор был направлен на строевую подготовку. Мы часами маршировали на плацу, в прямом смысле стирая подошву берец. Это оказалось весьма непростым занятием. Почти у всех после первого дня занятий появились мозоли, а в условиях отсутствия элементарной гигиены мозоли разрастались в настоящие проблемы с ногами.

Касаемо гигиены, я не знаю, почему происходило так, но с ней действительно всё было крайне печально. В баню нас водили в лучшем случае два раза в неделю, да и то это тема отдельного разговора. Вместо душа нам полагались обтирания мокрым полотенцем по утрам, и то до пояса. Стирать вещи было негде, да и не было второго комплекта - ни то чтобы формы, даже носков и нижнего белья. Приходилось футболку стирать от пота и сушить на себе, носки стирались ночью и утром одевались в лучшем случае влажными. Неудивительно было, что почти у всех начался грибок. Стирать вещи нам разрешили только через две недели, по вечерам субботы.

Я вовсе не из нытиков, но такие условия меня повергли в шок: всегда грязный, мокрый, и никакой возможности элементарно привести себя в порядок. После первой недели

некоторые ребята попали в санчасть. Некоторые были госпитализированы.

Баня первую неделю вовсе не работала. Двое ребят из раннего призыва пытались подручными материалами восстановить ветхие трубы, а когда всё же удалось пустить воду, они наносили дров и затопили банную печь. В четверг нас привели купаться.

Когда я впервые увидел баню, очередной раз был шокирован. Очень старое здание с облезшими стенами. Баней её можно было назвать очень условно, поскольку внутри были только четыре душевых отсека с последовательно подключёнными кранами, а это значило, что чем дальше от основной трубы находилась лейка, тем меньше был напор. Вода бежала только горячая, времени на помывку на каждого было не более одной минуты. Я разделся, намылил сухую голову, и когда появилась возможность, влез под струю и тщательно размазал всю пену по телу. Смыть её не удалось, и часть мыла пришлось вытирать полотенцем.

Далее произошло ещё более шокирующее событие. Посередине предбанника поставили две огромные сумки: одна была пустая для грязного нижнего белья, в другой лежали «чистые», но видавшие виды носки и трусы абсолютно рандомного размера. Необходимо было перебороть чувство от-

вращения, чтобы напялить обновки на своё тело.

После бани нам разрешили выкупить по сигарете и маршем вернули в расположение. В тот день было очень солнечно. Май расцветал своим величием в преддверии астраханской жары.

В двадцатых числах всех ждал один весьма неприятный сюрприз - астраханская мошкара. Если вас однажды одолевали комары или другие насекомые, то поверьте: это всё было просто детская шалость. В Астрахани с наступлением жары появляется столько мелкой мошкары, что единственный выход из ситуации - это смирение. Нужно просто смириться с тем, что, когда бы вы ни находились на улице и как бы вы ни отмахивались от неё, целый рой всегда будет крутиться вокруг головы и пытаться залезть в глаза, уши, нос, рот и волосы. К вечеру волосы превращаются в пластилиновое кладбище размазанных по голове насекомых. Особенно они мешали во время пробежек, попадая в горло и вызывая кашель до тошноты.

Дни в какой-то момент сравнялись и потекли одинаковыми картинами с бесконечными занятиями по строевой подготовке.

Маршировали на главном плацу, который находился в

нескольких километрах от расположения. И несмотря на то, что дорога была абсолютно прямая и асфальтированная, прямиком через центр города с живописным, но удручающим видом заброшенных многоэтажек с поросшими из окон деревьями и целыми рощами на крышах. Обычным шагом можно было дойти до плаца за считанные минуты, но с бесконечными возвращениями и «на исходную» такие прогулки забирали колоссальное количество сил как физически, так и морально.

Однажды, ближе к концу месяца, командование решило провести большой марафон по сдаче физической подготовки: подтягивание, челночный бег, кросс, метание гранаты. По итогу которого треть самых слабых ребят уехала в санчасть с тепловым ударом. Атмосфера в казарме царила напряжённая, и с каждым новым днём увеличивалось количество конфликтов между военнослужащими. В какой-то момент несколько ребят перегнули палку, и информация о рукоприкладстве дошла до вышестоящего командования.

Уже на следующий день поутру в городок прибыла делегация старших офицеров с проверкой. По результатам проверки выяснилось, что у военнослужащих, то есть у нас, слишком много свободного времени в перерывах между занятиями, а занятия проводятся не в полную силу, а значит, у солдат остаются лишние силы для размахивания кулаками.

Товарищ полковник вышел из казармы и озадаченно посмотрел вдаль. Перед казармой располагалось огромное поле до самого горизонта, поросшее жёсткой травой до колена. Было принято решение к его следующему визиту расчистить это поле до голой чёрной земли. Товарищ старшина выдал нам небольшое количество искалеченных лопат, грабли и брезентовые плащ-палатки в качестве носилок, и закипела работа.

Я чувствовал себя заключённым где-то в Воркуте. Ходили сержанты-надзиратели, появилась иерархия. Самое блатное место работы - носилки для травы, поскольку в месте, куда сваливали рубленую с дёрном траву, можно было несколько минут перекурить. Следующие по значимости были грабли, а самой тяжёлой работой были тупые лопаты.

В первый же день, когда мы отдалились от казармы метров на двадцать, к нам подошёл сержант-контрактник и спросил, кто из нас умеет пользоваться машинкой для стрижки волос. Я, бросив грабли, вызвался добровольцем и заявил, что хорошо обращаюсь с машинкой, несмотря на то, что никогда ранее даже не держал её в руках. Меня освободили от работы и отвели в Ленинскую комнату - это место, где можно было в свободное время заниматься починкой обмундирования и глажкой форменной одежды.

В комнате посередине, между двумя большими окнами в деревянной раме, стоял советский трельяж с трёхсекционным зеркалом во весь рост, а перед ним стул. Сержант выдал мне машинку и, закутавшись по горло в простыню, уселся на стул перед зеркалом. Он очень плохо говорил по-русски, путая падежи и ударения, как тот самый чукча из анекдотов.

Я принялся колдовать над его шевелюрой, и получалось весьма неплохо. Но, увлекшись процессом, я сбрил его чёлку, которую он так просил не трогать. Началась комедия. Он сбросил с себя простыню и выбежал из комнаты с криками: «Чёлку сбрил зачем?» Сержант подбежал к дневальному и спросил: «Чёлка сильно коротка?» Дневальный, едва сдерживая смех, убедил его, что чёлка выглядит очень хорошо. Он, успокоившись, вернулся обратно на стул. Пока я его стриг, он поправлял рукой свою чёлку то в один бок, то в другой, приговаривая: «Блин, ну коротка чёлка, сильно коротка, э-эх».

Эта история быстро разошлась по казарме, и к сержанту прилипла кличка «Чёлка», а его авторитет обрушился одномоментно, и он пропал. Я до конца КМБ остался на должности нештатного парикмахера и вполне неплохо приловчился стричь, получая за это сигареты, шоколад и газированную воду. В тех условиях это было большим дефицитом, но самое

главное - это то, что я освобождался от большого количества занятий и физического труда, что сильно упростило службу.

Несколько раз в неделю по утрам проводились обыски личного состава. Нас строили перед казармой в две шеренги друг напротив друга, мы снимали головные уборы и выкладывали в них всё, что находилось в карманах. Офицеры проходили по рядам, ощупывая карманы, сержанты в это время шерстили наши прикроватные тумбочки. Самое запрещённое, что у меня было при себе, - это палочки для чистки ушей, а в тумбочке стоял спрей от комаров.

Одним из немногих развлечений был субботний часовой просмотр фильмов на патриотическую тематику. Иногда показывали действительно интересные кадры советской хроники, иногда просто военные фильмы.

Несколько раз в неделю нам выделяли час на звонки. Но проблема была в том, что время засекали в момент, когда командир выносил телефоны и выдавал под роспись, и когда очередь доходила до тех, кто последний в списке, им оставалось менее десяти минут на звонок. Это время было священным, поскольку связь с родственниками в столь непростой обстановке придавала много сил для дальнейшей службы.

Присяга

Как и полагалось, КМБ подходило к своему логическому финалу, и в завершение нам предстояло выполнить важнейший ритуал - присягу на верность отечеству.

Событие проходило в городе Знаменск, на «десятке» - центральной войсковой части. Нас вывезли туда с «тридцатки» с первыми лучами рассвета. Я проснулся затемно, оделся в обычную военную форму - ту самую, которую тогда называли «поросячка», - и вышел на улицу. Было прохладно, степь дышала свежестью, и где-то вдалеке уже занимался серый рассвет. Мы строились, считались, садились в автобусы. Я смотрел в окно и думал: вот и всё. Первый этап закончен.

До некоторых ребят, в том числе и до меня, приехали родственники. Мама, папа и дядя. Я не видел родителей с того самого перрона в райцентре. Казалось, прошла целая жизнь.

Нас выстроили на плацу перед огромной толпой родственников. Тем временем назойливая мошкара никуда не делась. Все зрители стояли с ветками от деревьев и отмахивались от насекомых. А нам предстояла очень сложная задача: несколько часов стоять неподвижно и терпеть мелких насекомых, которые заползали в уши так глубоко, что дрожь проходила по всему телу. В моменте казалось, что они находятся уже в мозгу, и тело содрогалось как от разрядов тока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.